

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Сетевое издание

**№ 2 (65)
2024**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И., председатель совета, академик РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Добровольская М.В., чл.-корр. РАН, д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Бауло А.В., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бороффа Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Епимахов А.В., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН;
Кокшаров С.Ф., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН; Кузнецов В.Д., д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Лахельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия); Матвеева Н.П., д.и.н., ТюмГУ;
Медникова М.Б., д.и.н., Ин-т археологии РАН; Томилов Н.А., д.и.н., Омский ун-т;
Хлахула И., Dr. hab., ун-т им. Адама Мицкевича в Познани (Польша); Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США);
Чикишева Т.А., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН

Редакционная коллегия:

Дегтярева А.Д., зам. гл. ред., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Костомарова Ю.В., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН;
Пошехонова О.Е., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН; Лискевич Н.А., отв. секретарь, к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Агапов М.Г., д.и.н., ТюмГУ; Адаев В.Н., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Бейсенов А.З., к.и.н., НИЦИА Бегазы-Тасмола (Казахстан);
Валь Й., PhD, О-во охраны памятников Штутгарта (Германия); Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, проф., ун-т Тулузы (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Перерва Е.В., к.и.н., Волгоградский ун-т;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ТюмНЦ СО РАН; Слепченко С.М., к.б.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Хартанович В.И., к.и.н., МАЭ (Кунсткамера) РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-82071 от 05 октября 2021 г.

Адрес: 625008, Червишевский тракт, д. 13, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2024

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 2 (65)
2024**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Editorial Council:

Molodin V.I. (Chairman of the Editorial Council), member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Dobrovolskaya M.V., Corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Baulo A.V., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut (German Archaeological Institute) (Berlin, Germany)

Chikisheva T.A., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Chlachula J., Doctor hab., Professor, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poland)

Epimakhov A.V., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Koksharov S.F., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Kuznetsov V.D., Doctor of History, Institute of Archeology of the RAS (Moscow, Russia)

Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh (Pittsburgh, USA)

Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

Matveeva N.P., Doctor of History, Professor, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Mednikova M.B., Doctor of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk

Editorial Board:

Degtyareva A.D., Vice Editor-in-Chief, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kostomarova Yu.V., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Poshekhonova O.E., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Liskevich N.A., Assistant Editor, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Agapov M.G., Doctor of History, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Adaev V.N., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Beisenov A.Z., Candidate of History, NITSIA Begazy-Tasmola (Almaty, Kazakhstan),

Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse (Toulouse, France)

Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu (Tartu, Estonia)

Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Khartanovich V.I., Candidate of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
(Saint Petersburg, Russia)

Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York (New York, USA)

Pererva E.V., Candidate of History, University of Volgograd (Volgograd, Russia)

Pinhasi R., PhD, Professor, University College Dublin (Dublin, Ireland)

Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Slepchenko S.M., Candidate of Biology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege

(State Office for Cultural Heritage Management) (Stuttgart, Germany)

Address: Chervishevskiy trakt, 13, Tyumen, 625008, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru

URL: <http://www.ipdn.ru>

Головченко Н.Н.^{a,*}, Пилипенко С.А.^b

^a Алтайский государственный педагогический университет
ул. Молодежная, 55, Барнаул, 656031

^b Новосибирский государственный университет экономики и управления
ул. Ядринцевская, 53, Новосибирск, 630007

E-mail: nikolai.golowchenko@yandex.ru (Головченко Н.Н.); Pilipenkosergej@mail.ru (Пилипенко С.А.)

АНТРОПОМОРФНОЕ БЕРЕСТЯНОЕ ИЗДЕЛИЕ ИЗ НОВОТРОИЦКОГО НЕКРОПОЛЯ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА ВЕРХНЕОБСКОГО БАССЕЙНА

Рассматривается берестяное изделие, обнаруженное в ходе полевых исследований А.П. Уманского в Тальменском районе Алтайского края на некрополе эпохи раннего железа Новотроицкое-1. Авторами предпринята попытка создания экспериментальных стилистических реплик изучаемого изделия. Предполагается, что схематичность экстерьера новотроицкой фигурки позволяет рассматривать ее в качестве своеобразной погребальной куклы. Иконография образа новотроицкого антропоморфа охарактеризована в контексте связей населения Верхнего Приобья второй половины I тыс. до н.э. с культурами севера Центральной Азии. Анализируется широкий пласт археологических и этнографических аналогий погребальным антропоморфным изображениям.

Ключевые слова: Верхнее Приобье, эпоха раннего железа, Новотроицкий некрополь, берестяное изделие, погребальная обрядность.

Ссылка на публикацию: Головченко Н.Н., Пилипенко С.А. Антропоморфное берестяное изделие из Новотроицкого некрополя эпохи раннего железа Верхнеобского бассейна // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2024. 2. С. 57–69. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2024-65-2-5>

Введение

Предметы, связанные с культом, традиционно привлекают особое внимание исследователей. Одной из таких удивительных, во всех смыслах, и даже загадочных находок является берестяное изделие, обнаруженное в ходе полевых исследований А.П. Уманского в Тальменском районе Алтайского края на некрополе эпохи раннего железа Новотроицкое-1 в могиле 3 раскопа 8. Поделки из органики в погребальных памятниках Верхнего Приобья редки и зачастую в силу климатических условий не сохраняются. Однако в захоронении пожилой женщины в сопровождении деревянного блюда с остатками жертвенной пищи, керамических сосудов, пряслица, большого количества бусин и пары серег был найден вырезанный из бересты «антропоморфный идол с крыловидными руками» (рис. 1), ныне хранящийся в фондах Историко-краеведческого музея Алтайского государственного педагогического университета.

Данная находка была опубликована А.П. Уманским [1992, с. 54, рис. на с. 110]. Впоследствии ее изображение вошло в обобщающую монографию по Новотроицкому некрополю (рис. 1) [Шульга и др., 2009, с. 42, рис. 46]. Но при этом в обеих публикациях оказались неучтенными в полной мере стилистические особенности, присущие этому берестяному изделию. Последним обстоятельством обусловлена актуальность повторного обращения к обозначенным материалам, изучение которых позволит получить новые сведения о культуре населения Верхнего Приобья второй половины I тыс. до н.э. Цель настоящей работы может быть определена как качественная публикация новотроицкого берестяного антропоморфного изображения с учетом его материаловедческой и стилистической специфики.

Материалы

Для изготовления изделия мастером был снят кусок бересты пластовым методом при помощи ножа. Береста, возможно, снималась в весенне-летний период. После чего лицевая, «белая» часть коры была обработана ножом методом скобления. Размер заготовки, из которой

* Corresponding author.

вырезалась фигура, вероятно, слегка превышал ее размеры, был примерно 18×10 см. Судя по неровным очертаниям предмета, возможно, вырезался он ножом на горизонтальной поверхности, в спешке. Этим мы можем объяснить и асимметричность его форм.

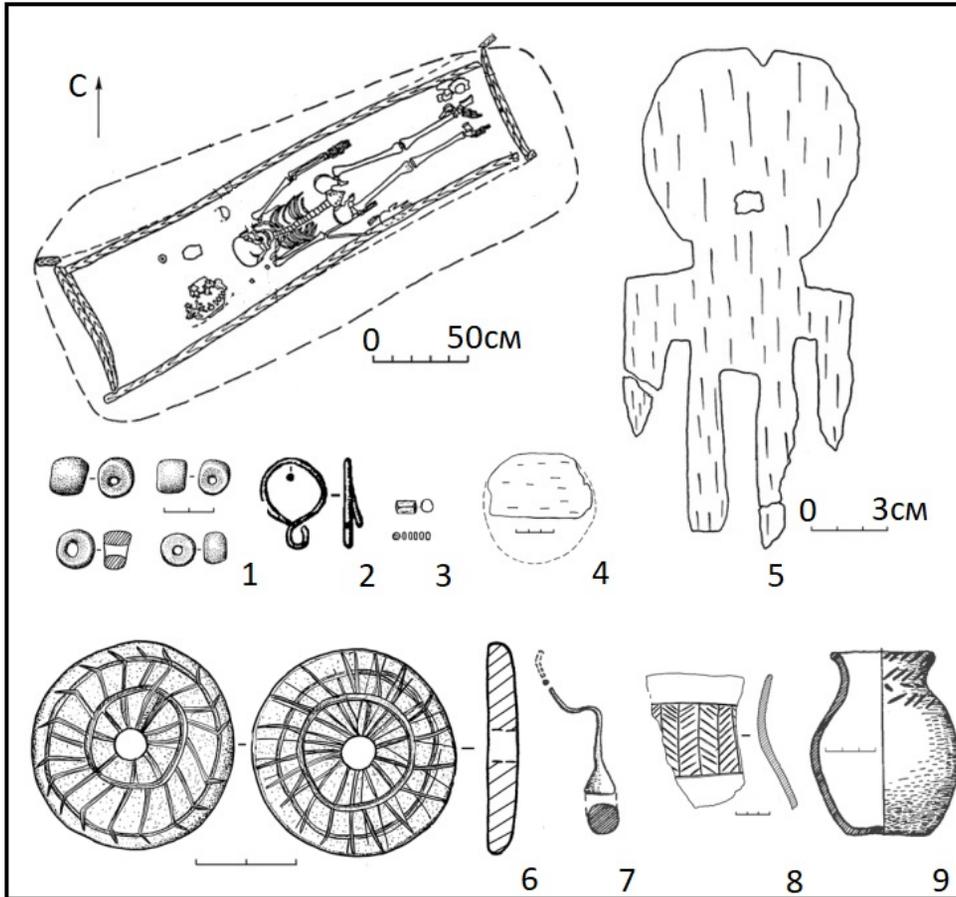

Рис. 1. Предметный комплекс могилы 3 раскопа 8 Новотроицкого-1:

1 — бусины; 2 — восьмерковидная серьга; 3 — пронизка с бисером; 4 — берестяной круг; 5 — берестяное антропоморфное изделие; 6 — керамическое пряслице с солярным орнаментом; 7 — обломок изогнутой бронзовой заколки с коническим навершием; 8 — фрагмент разбитого керамического сосуда; 9 — целый керамический сосуд
(по: [Шульга и др., 2009, рис. 46]).

Fig. 1. The object complex of the grave 3, excavation 8 Novotroitskoye-1:

1 — beads; 2 — 8-shaped earring; 3 — string with glass beads; 4 — birchbark circle; 5 — birchbark antropomorphic image; 6 — ceramic spindle whorl with a solar ornament; 7 — fragment of bent bronze hairpin with a conic roofing; 8 — fragment of broken ceramic vessel; 9 — whole ceramic vessel [Shul'ga et al., 2009, fig. 46].

Размеры плоского берестяного изделия: высота около 18 см, ширина фигурки в плечах 9 см. Сохранившаяся толщина бересты 0,2–0,4 см. Фигурка вырезана из гладкой коры, снятой поперек ствола дерева (чечевички располагаются по телу фигурки вертикально). Округлая голова гипертрофирована по отношению к размеру туловища. Черты лица обозначены сквозными пробитыми отверстиями глаз и рта, а также асимметричными врезными линейными углублениями бровей и носа. Руки-«крылья» симметрично опущены и имеют темный цвет, левая больше правой. Ноги прямые, вытянутые. Правая нога короче левой, так как ее часть сломана. Предплечья и ладони, колени и ступни не обозначены. Половые признаки отсутствуют. Задняя часть, «спина», никак не обработана. На фигурке имеются 4–6 маленьких, предположительно проколотых, отверстий, которые могли использоваться для пришивания ее в качестве своеобразной аппликации на одежду или для фиксации на самой фигурке каких-то несохранившихся атрибутов.

Вследствие ухудшения сохранности предмета за время хранения от фигурки отделились левая рука и нога, потревожена левая верхняя часть головы, на которой начался разлом по линии лоб-нос-глаз. Первоначальный вид и момент обнаружения фигурки зафиксированы полевыми фотографиями, сохранившимися в архиве сектора археологии учебной научно-исследователь-

Антропоморфное берестяное изделие из Новотроицкого некрополя эпохи раннего железа...

ской лаборатории «Историческое краеведение» Алтайского государственного педагогического университета (рис. 2). В июне 2021 г. фигурка была осмотрена авторами настоящего исследования с предварительной «удовлетворительной» оценкой сохранности изделия. Тогда же была проведена аккуратная сухая расчистка обеих его сторон от полевых загрязнений, чего не было сделано ранее автором раскопок. Предмет был вновь собран, отрисован и сфотографирован. Береста сильно пересушена, требуются изменение условий хранения и срочная реставрация изделия.

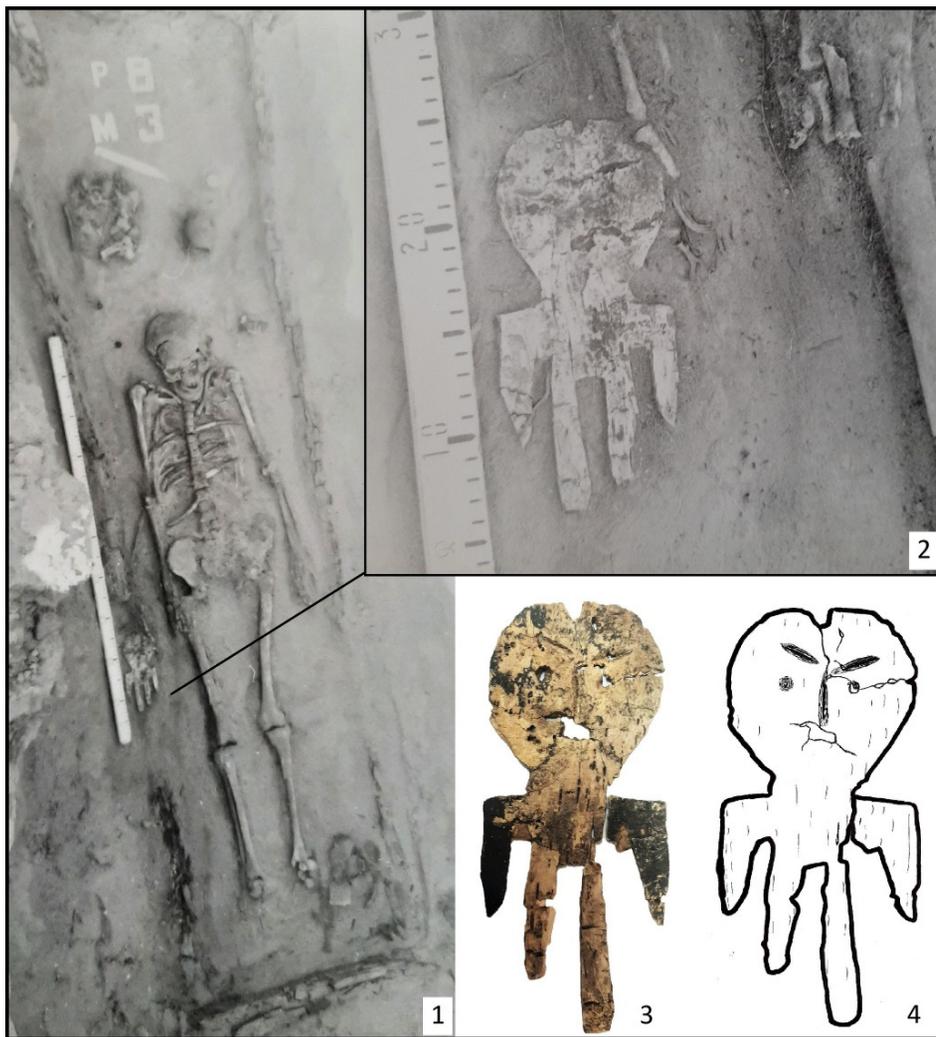

Рис. 2. Антропоморфное берестяное изделие из могилы 3 раскопа 8 Новотроицкого-1:
1, 2 — полевая фотография момента обнаружения находки (архив УНИЛ «Историческое краеведение» АлтГПУ);
3, 4 — фото и прорисовка лицевой стороны предмета (фото Н.Н. Головченко, без масштаба).

Fig. 2. Anthropomorphic birch bark image from the grave 3, excavation 8 Novotroitskoye-1:
1, 2 — field picture of the finding moment (the archives of Scientific, Study and Testing Laboratory "Historical Geography and Culture", Altay State Pedagogical University); 3, 4 — photo and tracings of item right side (photo by N.N. Golovchenko, out of scale).

Берестяное изделие обнаружено у правой руки женщины в погребении 3 раскопа 8 могильника Новотроицкое-1, датируемого в пределах IV–III вв. до н.э. Оно лежало «лицом вниз». Подобная микротопография может быть связана со смещением предмета при деструкции тела погребенной (если допустить что он имеет отношение к предметному комплексу ее одежды) или с определенным символическим актом в процессе погребального ритуала.

С целью натурной апробации наших материаловедческих наблюдений была предпринята попытка создать экспериментальные стилистические реплики изучаемого берестяного изделия. Для этого были подготовлены три одинаковые берестяные заготовки одинаковых размеров (рис. 3, 1). Затем они были помещены в емкость с водой (рис. 3, 2).

Рис. 3. Процесс изготовления стилизованной реплики антропоморфного изделия (фото Н.Н. Головченко, без масштаба).

Fig. 3. Process of making stylized replica of the anthropomorphic image (photo by N.N. Golovchenko, out of scale).

Реализованы три сценария изготовления: первый — когда из пласта снятой с дерева березовой коры сразу ножом вырезалась копия рассматриваемой фигурки; второй — когда березовая кора предварительно ошпаривалась; и третий — когда кора вываривалась в кипящей воде в течение часа. Так как толщина использовавшейся нами бересты во всех случаях составляла 0,3–0,5 см, реплика, сделанная из необработанного материала, сохранила заметный естественный изгиб. Ошпаривание и вываривание материала с последующим помещением под пресс позволили в значительной степени нивелировать изгибы двух других изделий.

После термической обработки заготовкам была придана соответствующая антропоморфная форма ножом. Следующей операцией было нанесение человеческих черт: путем скобления — носа, бровей и глаз и прорезки — ротового отверстия (рис. 3, 3). Наблюдения позволяют предположить, что оригинальное изделие изготовлено из термически обработанной специально выровненной коры за определенное время до помещения в погребальный комплекс. Возможно, перед этим оно пришивалось к какой-то основе, для сохранения формы или дополнительного декорирования. Проведение определенных манипуляций с корой может указывать на культовый характер самого процесса изготовления антропоморфного изделия.

Интерпретация и обсуждение

Новотроицкое антропоморфное ритуальное берестяное изделие вряд ли может получить однозначную интерпретацию. Схематичность его экстерьера, а также обстоятельства обнаружения позволяют утверждать, что оно играло определенную роль в погребальной обрядности населения, оставившего Новотроицкий некрополь.

Антропоморфное изделие могло иметь заместительный характер, символизируя умершего, захоронить которого в силу каких-то обстоятельств, культового или иного характера, не было возможности. В данном отношении уместно упомянуть, что традиция изготовления погребальных кукол документирована по материалам андроновских погребений эпохи бронзы [Виноградов, 2020], а в последующее время она ярко явлена в памятниках таштыкской археологической культуры.

Э.Б. Вадецкой выделено четыре типа таштыкских погребений с куклами, второй из них охарактеризован как узкие прямоугольные срубы с двумя покойниками. Как отмечает ученый, половозрастной состав таких захоронений случаен. Однако при этом отмечается тенденция расположения в могилах женщин вдоль южной стенки, а кукол — вдоль северной, т.е. слева от женщин. Сосуды в таких захоронениях всегда размещены в ногах погребенного и по-разному около куклы [Вадецкая, 1999, с. 49].

Новотроицкое изделие, как уже отмечалось выше, обнаружено справа (с юга) от женщины и не сопровождается никакими дополнительными нетленными атрибутами, отсутствуют и кремнированные останки. Если допустить условность аналогии и применить наблюдения Э.Б. Вадецкой к хронологи-

Антропоморфное берестяное изделие из Новотроицкого некрополя эпохи раннего железа...

чески более ранним новотроицким материалам, можно предположить, что рассматриваемая фигурка символизировала индивида более низкого социального статуса, чем погребенная в рассматриваемой могиле женщина. Впрочем, слева от женщины из Новотроицкого тоже найден фрагмент берестяной поделки — круг, предположительно от сосуда или коробочки [Шульга и др., 2009, с. 42].

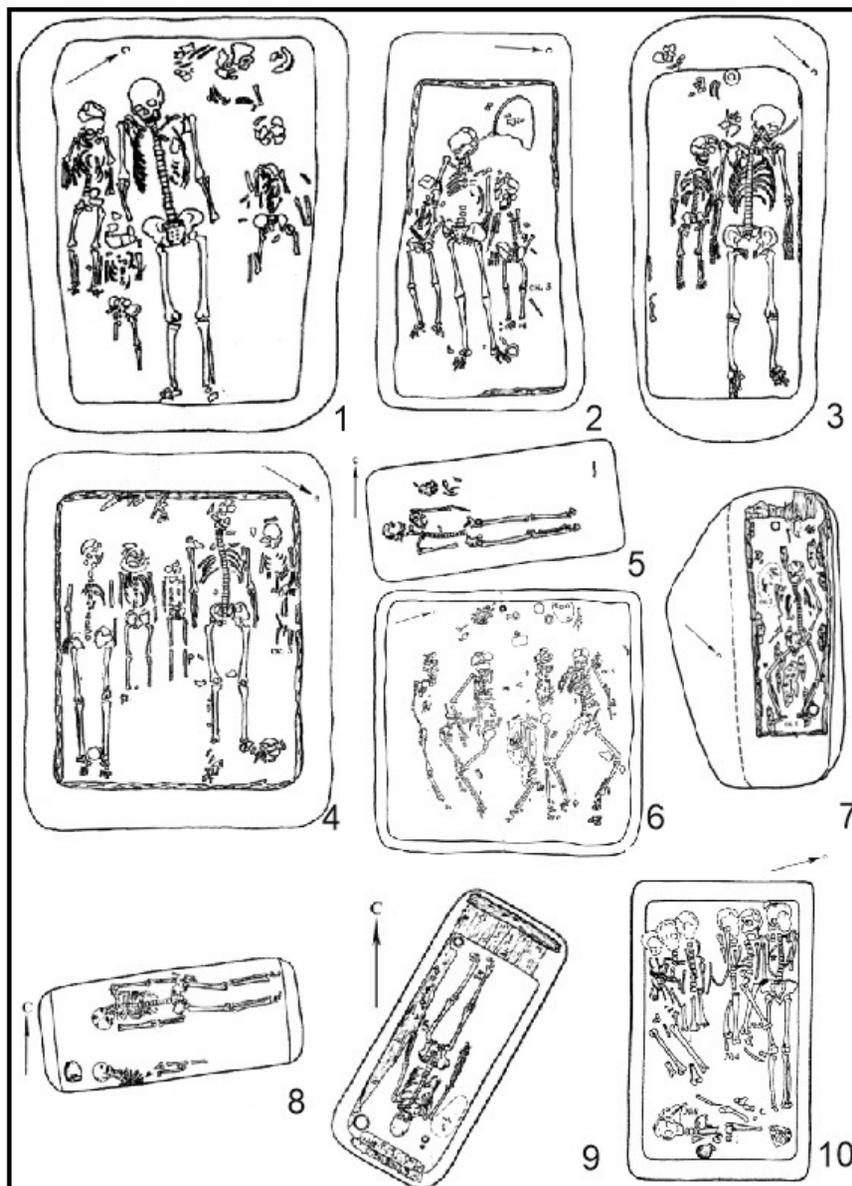

Рис. 4. Погребение с детьми некрополя Новотроицкое-1:

1 — могила 6 курган 5; 2 — могила 1 курган 7; 3 — могила 1 курган 8; 4 — могила 7 курган 9; 5 — могила 10 курган 13; 6 — могила 1 курган 15; 7 — могила 3 курган 15; 8 — могила 8 курган 17; 9 — могила 6 курган 17; 10 — могила 3 курган 21 (все планы по: [Шульга и др., 2009]).

Fig. 4. The burial with children of the necropolis Novotroitskoye-1:

1 — grave 6, the burial mound 5; 2 — grave 1, burial mound 7; 3 — grave 1, burial mound 8; 4 — grave 7, burial mound 9; 5 — grave 10, burial mound 13; 6 — grave 1, burial mound 15; 7 — grave 3, burial mound 15; 8 — grave 8, burial mound 17; 9 — grave 6, burial mound 17; 10 — grave 3, burial mound 21 (all plans according to: [Shul'ga et al., 2009]).

В то же время, по наблюдениям Э.Б. Вадецкой, помещение в таштыкские склепы куклы предшествовало захоронению женщин [Вадецкая, 1999, с. 49]. Обнаружение анализируемого изделия под правой кистью погребенной из Новотроицкого фотографически зафиксировано и описано А.П. Уманским [1992, с. 54] (рис. 2).

Вместе с тем обращает на себя внимание сопоставимость контекста нахождения берестяного изделия с фактами обнаружения детских костяков в совместных со взрослыми захоронениях Новотроицкого некрополя (рис. 4).

Одиночные скелеты младенцев выявлены на Новотроицком-1 справа у рук взрослых в следующих захоронениях: могила 1 курган 8 [Шульга и др., 2009, рис. 8], могила 3 курган 15 [Шульга и др., 2009, рис. 24], могилы 6 и 8 кургана 17 [Шульга и др., 2009, рис. 26]. У рук взрослых слева: могила 10 курган 13 [Шульга и др., 2009, рис. 18], могила 1 курган 15 [Шульга и др., 2009, рис. 20]. В случае с могилой 3 кургана 21 справа от взрослого похоронено несколько детей [Шульга и др., 2009, рис. 35]. С обеих сторон от взрослого: могила 6 курган 5 [Шульга и др., 2009, рис. 4], могила 1 курган 7 [Шульга и др., 2009, рис. 6], могила 7 курган 9 [Шульга и др., 2009, рис. 10].

Аналогичные могилы зафиксированы в кургане 5 Быстровки-2 [Бородовский, 2002, рис. 79], кургане 19 Рогозики-1 [Уманский и др., 2005, рис. 39] и в материалах раскопок других крупных погребальных комплексов эпохи раннего железа бассейна Верхней Оби, составление полного перечня которых в рамках данной работы представляется излишним.

Вместе с тем в парных погребениях взрослых Новотроицкого-1 отмечены следующие тафономические контексты: мужчина с севера слева от женщины (курган 7 могила 4 [Шульга и др., 2009, рис. 7]; курган 12 могила 15 [Шульга и др., 2009, рис. 16]); мужчина с юга справа от женщины (курган 17а могила 5 [Шульга и др., 2009, рис. 27]; курган 39 могила 1 [Шульга и др., 2009, рис. 45]). Парное погребение мужчин зафиксировано в единственной могиле кургана 28 [Шульга и др., 2009, рис. 41]. Вероятно, последовательность труположения в могилу на Новотроицком некрополе определялась ситуативно.

Говоря о парных погребениях людей одного пола, нельзя пройти мимо концепта близнечного культа, отраженного в материалах еще афанасьевской археологической культуры Южной Сибири [Бородовский, 2013]. В таком контексте анализируемое берестяное изделие может быть рассмотрено как символический родственник, двойник-«близнец» или дочь погребенной.

Не противоречит данным наблюдениям и контекст происхождения ближайшей аналогии рассматриваемому изделию — берестяной фигурки, вероятно, женского пола из кенотафа могильника Яломан II (Республика Алтай) [Тишкин, Мыльников, 2008, рис. 6], длина которой составляет 36, ширина в плечах — 10, на уровне груди и бедер — 8 см (рис. 5, 1). Фигурка из Яломана II является второй находкой берестяного «человечка» с территории Горного Алтая и относится к гунно-сарматскому периоду истории региона, свидетельствуя о сохранении бытования подобных фигурок как в погребальном пространстве, так и в повседневном обиходе. По расхожим представлениям загробный мир является копией мира реального, в котором все должно быть так же, как при жизни погребенного.

Центральноазиатские аналогии рассматриваемому нами изделию не ограничиваются тафономией таштыкских и отдельными образцами из булан-кобинских комплексов. Определенное сходство новотроицкий антропоморф имеет с деревянными фигурами женщин кокальской культуры Тувы (рис. 5, 2–6), II в. до н.э. — V в. н.э. Их сближают размеры (около 20 см), изображение в фас, плоская, необработанная задняя сторона, крайняя схематичность исполнения с примитивно детализированной головой, выполненные прочерчиванием черты лица и короткий поперечно углубленный рот, а также «крыловидность» рук [Вайнштейн, 1974, с. 37–38, рис. 25]. Данные наблюдения представляются справедливыми и в отношении сравнения новотроицкого антропоморфного ритуального берестяного изделия со сходными материалами с памятника Аймырлыг (рис. 5, 7–10) [Степная полоса..., 1992, табл. 78, 44–46]. Однако при этом новотроицкое изображение выполнено из коры, а не из дерева и не имеет четко выраженных половых признаков.

Здесь необходимо указать на достаточно широкую практику использования бересты населением, оставившим Новотроицкий некрополь, в оформлении погребальных комплексов [Шульга и др., 2009]. Береста применялась в качестве настила над перекрытием, подстилки на дне могильной ямы, для покрытия тела погребенного (включая вторичные захоронения); из бересты изготавливались посуда и, возможно, головной убор, помещавшиеся в захоронения. Активное использование березы в обустройстве погребальных сооружений известно и для других археологических культур региона. Зафиксированы случаи нахождения в берестяных вместилищах кладов, предположительно носящих ритуальный характер [Бородовский, Ларичев, 2013].

Не противоречит юго-восточному изводу иконографии образа новотроицкого антропоморфа и сопровождающий женщину предметный комплекс одежды, представленный гагатовыми бусинами, восьмерковидными проволочными серьгами и либо несохранившейся изогнутой заколкой с

Антропоморфное берестяное изделие из Новотроицкого некрополя эпохи раннего железа...

полым коническим навершием [Шульга и др., 2009, с. 42, рис. 46], либо «серьгой-гвоздевидкой» с колоколовидной головкой [Уманский, 1992, с. 54]. В целом на Новотроицком некрополе выявлен достаточно представительный набор артефактов, отражающих данное направление культурных коммуникаций, вероятно связанных с торгово-меновыми и брачными контактами [Головченко, 2022, с. 86, 118, 120, 142].

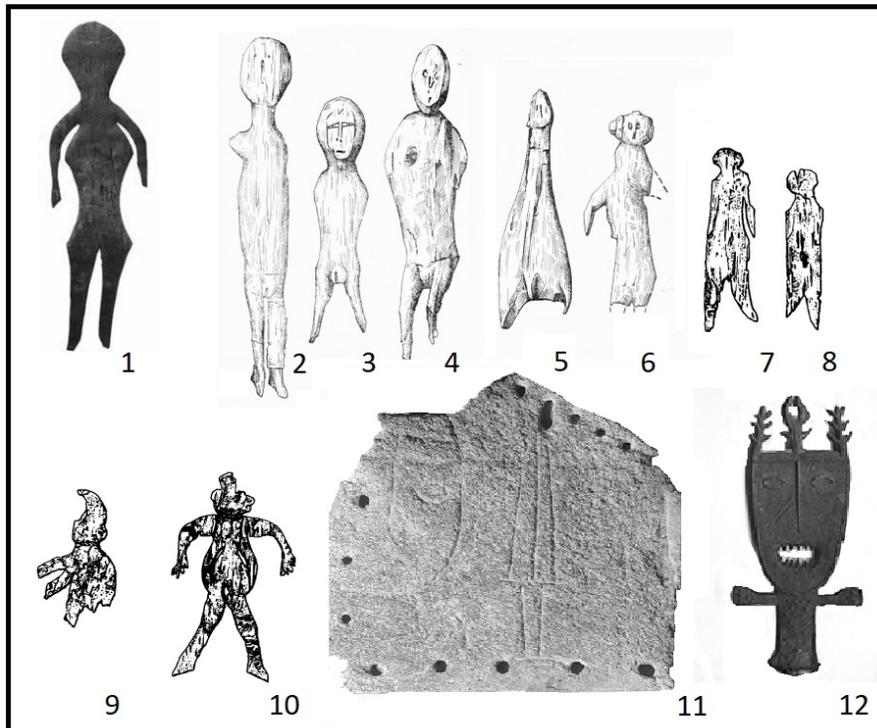

Рис. 5. Антропоморфные изделия и личины:

1 — Яломан II, береста (по: [Тишкин, Мыльников, 2008, рис. 6]); 2–6 — Кокель, дерево (по: [Вайнштейн, 1974, с. 37–38, рис. 25]); 7–10 — Аймырлыг, береста (по: [Степная полоса..., 1992, табл. 78, 44–46]); 11 — Дубровинский Борок-3, рог (фото А.П. Бородовского); 12 — Новообинцевский клад, бронза (фото В.В. Воробьева).

Fig. 5. The antropomorphic images and masks:

1 — Yaloman II, birch bark (according to: [Tishkin, Myl'nikov, 2008, fig. 6]); 2–6 — Kokel', tree (according to [Weinstein, 1974, p. 37–38, fig. 25]); 7–10 — Aimirlyg, birch bark (according to [Moshkova, 1992, tab. 78, 44–46]); 11 — Dubronskii Borok-3, horn (photo by A.P. Borodovskii); 12 — Novoobintsevo treasure, bronze (photo by V.V. Vorobyov).

Столкнувшись с определенным дефицитом источниковой базы, А.П. Уманский ошибочно отмечал близость новотроицкой находки «нарымским бронзам Кулайки» [1992, с. 55], в то время как данные параллели могут быть рассмотрены только в качестве весьма отдаленных аналогий.

Действительно, в Западносибирском регионе изготовление личин и антропоморфных фигур, главным образом металлических, практиковалось с эпохи раннего железа и было тесно связано с носителями кулайской культуры [Плетнева, 1977, рис. 31, 1–12, 21; Троицкая, 1979; Чиндина, 1984, с. 41–44; Яковлев, 2001, с. 125]. Данная культовая практика, очевидно, не оставалась неизменной. Менялось население региона, менялись и внешние «этикетные» атрибуты обрядовых действий, при сохранении некоторых отраженных в них общечеловеческих смыслов. В данном отношении особенно показательны «северная» кулайская личина и центральноазиатский кинжал, одновременно изображенные на роговой пластине с памятника Дубровинский Борок-3 (рис. 5, 11) [Троицкая, 1979, табл. XXIX, 1]. Представленная на ней личина не имеет ничего общего с рассматриваемым нами берестяным изделием, а кинжал, полностью аналогичный представленному на пластине, в материалах Новотроицкого могильника имеется [Шульга и др., 2009, рис. 108, 8]. Между тем А.П. Уманский, предполагая связь своей находки именно с пластом кулайских древностей, указывал на выявленный под г. Барнаулом Новообинцевский клад [Бородаев, 1987; Уманский, 1992, с. 55], в составе которого наличествует бронзовый антропоморф (рис. 5, 12), не похожий на новотроицкое берестяное изделие.

Наиболее показательными находками такого рода являются материалы Сайгатинского III могильника VIII–IX вв. [Зыков, Федорова, 2001, с. 58]. Здесь в одно из погребений была помещена кукла в человеческий рост, тело и руки ее были сделаны из прутиков, а голова — из округлого куска сырой глины. На куклу были надеты меховая одежда и украшения. При этом кукла захоронена на общем кладбище по всем канонам погребального обряда, т.е. в могильной яме с берестяной подстилкой, завернутая в бересту и укрытая сверху еще одним пластом бересты. По сообщению А.П. Зыкова и Н.В. Федоровой, на пяти памятниках урочищ Барсова гора и Сайгатино были найдены остатки подобных кукол [2001, с. 61].

Способы использования антропоморфных личин VIII–IX вв. в качестве обозначения головы фигур, выполненных из органики (мха, меха, дерева), по материалам Сургутского Приобья подробно описаны К.Г. Карачаровым [2002]. Исследователь предполагает, что они могли знаменовать «смерть» самого изображения, олицетворяемой им души (духа) или человека. Вследствие чего среди кукол и личин предлагается рассматривать изображения умерших, живых людей и божков [Карачаров, 2002, с. 46–49]. Интересные этнографические примеры таких изделий представлены в каталоге, составленном А.В. Бауло [2022, с. 183].

Анализируя содержательную сторону кулайского «плоского» литья, А.И. Соловьев высказал мнение о возможности существования в среде населения таежного Приобья традиции делать декорации, которые в нужное время можно было установить в необходимом месте и разыгрывать с ними магические действия. На такие «ширмы», изготовленные из кожи, бересты или ткани, могли нашиваться различные бронзовые фигурки [Соловьев, 1998, с. 348–349].

Осуществляя интерпретацию Холмогорского собрания, в составе которого выявлены бронзовые личины, имеющие аналоги в Парабельской и Ишимской коллекциях, А.П. Зыков и Н.В. Федорова указывают на необходимость искать им параллели среди этнографических материалов, связанных с погребальной обрядностью и представлениями сибирских народов о смерти, — в обычае, зафиксированном у северных хантов и манси, изготавливать посмертные изображения умерших (иттарма, иттерма) [Зыков, Федорова, 2001, с. 60].

Диагностированный у многих сибирских народов развитый культ предков, связанный с изготовлением изображений умерших людей, неоднократно освещался в специализированной этнографической литературе. Например, А.В. Бауло описывает иттерму как «изображение заместитель умершего, временное вместилище одной из его душ, возрождающейся в новорожденном» [2013, с. 121].

Применение берестяных фигурок в погребальном пространстве зафиксировано в археологических памятниках X–XI вв. в Бурятии и XV–XIX вв. в Якутии.

В Бурятии при исследовании могильника Варварина Гора, в погребении с колодой, за головой погребенного была найдена берестяная антропоморфная фигурка (рис. 6, 1А). Как и фигурка из Новотроицкого-1, она была вырезана ножом (рис. 6, 1Б), но без черт лица, что, вероятно, могло иметь контекст охраны от сглаза. По мнению исследователей, фигурка могла выполнять функцию онгона, своеобразного прижизненного оберега, положенного после смерти в могилу владельца [Асеев, 1985, с. 162, 164].

У якутов известны туктуйэ, фигурки или куклы, связанные с шаманской атрибутикой (рис. 6, 2). Например, в погребении № 97 из м. Туюйэ, мог. Шаманки Сылаанныйа, была найдена наглухо зашитая коробка, в которой оказалось женское изображение, сделанное из кусков меха и ровдуги. Глаза, нос, рот фигурки обозначены стеклянными бусинами. На нее надето платье, украшенное железными подвесками, нижний край которого разрезан в виде бахромы (рис. 6, 2А). И.В. Константинов рассматривает эту находку как изображение духа кут самой погребенной удаганки, помещенное в берестяную коробку туктуйе. По этнографическим данным, в берестяную коробку запирали дух умершего шамана путем камлания более сильным шаманом. Обряд запираения духа проводился в случае особого опасения по поводу возможного возвращения умершего шамана. Хранилище духа юер умершего также было найдено в коллективном погребении 1 — № 191 в м. Охтубут в Болтогинском наслеге Чурапчинского улуса Якутии. Туктуйэ прямоугольной формы сделан из бересты размером 30×15 см (рис. 6, 2Б) [Бравина, 2008, с. 135–136].

При всем многообразии антропоморфных культовых изображений немаловажен был и сам материал берестяных фигурок, который следует ассоциировать с одним из вариантов «вселенских» деревьев — березой и круговоротом жизни, связанным с ним. Конечно, мы должны понимать, что берестяная фигурка была по-своему тождественна органическим и неорганическим аналогам — фигуркам из войлока, дерева, металла и других материалов. В целом, таким изде-

Антропоморфное берестяное изделие из Новотроицкого некрополя эпохи раннего железа...

лиям присуща определенная индивидуальность. Как отмечает А.В. Бауло применительно к иттерме, «фигурку человека отливают из свинца или вырезают из куска дерева, отколотого от шеста чума или венца сруба дома, где жил покойный... зафиксированы случаи бытования иттерма с фотографией лица покойного» [2013, с. 121]. Иттерма хранилась в семье покойного, переходя в состав духов-предков. Однако подобные культовые изображения умерших иногда хоронили: в могиле умершего, закапывая в землю; помещая в надмогильное сооружение; закапывая на кладбище вне могилы; в лесу; оставляя в специально построенном амбарчике; сжигая с соблюдением особых ритуалов.

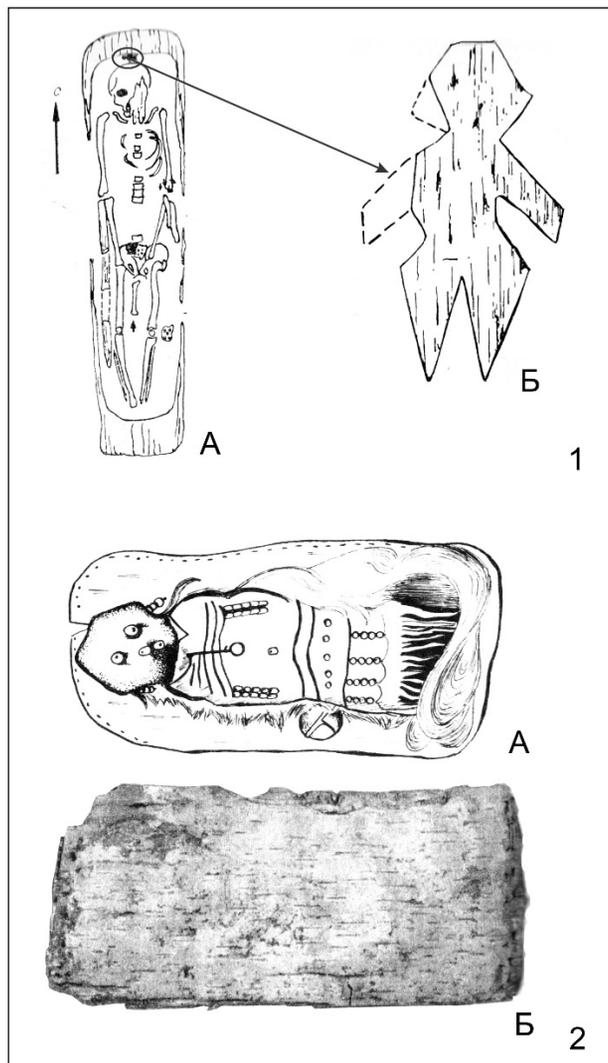

Рис. 6. Берестяные идолы:

1 — Варварина Гора, Бурятия: А — погребение; Б — берестяной онгон (по: [Асеев, 1985]); 2 — посмертные вместилища души умершего туюктойэ: А — погр. № 97 м. Туюйэ, мог. Шаманки Сылаанныйя; Б — погр. № 191 м. Охтубут в Болтогинском наслеге, Чурапчинского улуса Якутии (по: [Бравина, 2008]).

Fig. 6. The birchbark idols:

1 — Varvarina Gora, Republic of Buryatia: A — burial; B — birchbark ongon (according to [Aseev, 1985]); 2 — posthumous souls reservoirs of dead Tyuktoyue: A — burial № 97 Tyuiye, grave of the Shaman Sylaanyia; B — burial № 191, Ohtubut, Bolgoginskiy nasleg, Churapchinsk ulus, Yakutia (accroding to [Bravina, 2008]).

Назначение изображений умерших регламентировалось нуждами «живой» культовой практики, отраженной в культуре различных сибирских народов [Чернецов, 1959, с. 117; Соколова, 1971, с. 213]. Это сидрянг у ненцев [Хомич, 1971, с. 243], кэдо у селькупов [Пелих, 1972, с. 86], дангольс у кетов [Алексеев, 1971, с. 271]. С.И. Вайнштейн отмечает: «...неожиданно яркие аналогии кокэльским скульптурам можно найти в культовых этнографических материалах XIX–

XX вв. тувинцев, как, впрочем, и у других народов Сибири — алтайцев, хантов, нганасанов, кетов, эвенков и др.» [1974, с. 39]. На изображении кукол из различных материалов базировался культ предка ура у хантов и манси в зависимости от обстоятельств их смерти [Соколова, 1978, с. 169; 1990, с. 58]. Любопытные параллели данным материалам могут быть обнаружены и в недавно рассмотренном В.А. Бурнаковым культе фетишей — тесов [2020, с. 76, 134–135, 152–153], а также в оформлении ритуальных шаманских атрибутов (бубнов) у алтайцев и барабинских татар [Бородовский, 2007; Титова, 1976].

Заключение

Исследователями уже высказывалось мнение о том, что обычай изготовления антропоморфных изображений в Приобье возник в эпоху раннего железа. Предполагалось, что его корни следует искать в культурах как Южной Сибири [Боброва, Торощина, 2013, с. 20], и главным образом Хакасско-Минусинской котловины, так и Восточной Сибири. Однако, вероятно, представления о куклах, связанных с погребальной обрядностью, имеют более глубокие общечеловеческие истоки и смыслы [Фрэйзер, 1983]. Так, анализируя «исторические корни волшебной сказки», В.Я. Пропп особо указывает, что куклы располагаются на границе между волшебными помощниками и волшебными предметами. Куклол кормят, одевают, укладывают спать, с ними разговаривают, как правило, они подменяют покойного родственника (являясь вместилищем его души) [Пропп, 2021, с. 413].

Достоверно определить, кого именно или что изображала новотроицкая фигурка, к сожалению, пока невозможно. Данные материаловедческого анализа показывают, что анализируемое изделие изготовлено, с нашей точки зрения, несколько небрежно (асимметричность формы, грубое изображение черт «лица»). Вероятно, оно воспринималось как состоявшееся уже в силу самого факта изготовления. Вместе с тем неясно, можно ли наделить погребенную в могиле 3 раскопа 8 Новотроицкого-1 женщину «шаманскими» чертами только вследствие того, что пришивание фигурок из ткани и других материалов является одним из признаков украшения именно шаманского облачения. Кроме того, не стоит полностью исключать и возможность более прозаического, утилитарного, использования рассматриваемого берестяного изделия, например в качестве берестяной модели-штампа для изготовления бронзовых антропоморфных отливок (такая практика фиксируется по материалам самусьских бронз с поселения Крохалевка-13 [Троицкая и др., 2001]) или декоративной аппликации, подобной образцам, происходящим из пазырыкских курганов. Дальнейшие исследования и накопление источникового материала позволят пролить свет на связанные с подобными изделиями практические, религиозные и мифологические представления населения бассейна Верхней Оби второй половины I тыс. до н.э.

Благодарности. Авторы выражают признательность за консультацию и фото роговой пластины с памятника Дубровинский Борок-3 профессору, ведущему научному сотруднику ИАЭТ доктору исторических наук СО РАН А.П. Бородовскому.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев Е.А.* Домашние покровители у кетов // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX — начале XX века: СМАЭ. Л.: Наука, 1971. Т. 27. С. 263–274.
- Асеев И.В.* Отражение некоторых аспектов шаманизма в археолого-этнографическом материале Предбайкалья и Забайкалья // Древнее Забайкалье и его культурные связи. Новосибирск: Наука, 1985. С. 161–172.
- Бауло А.В.* Священные места и атрибуты северных манси в начале XXI века: Этнографический альбом. Ханты-Мансийск; Екатеринбург: Баско, 2013. 208 с.
- Бауло А.В.* «Изваян от меди...»: Каталог сибирских древностей, отлитых из бронзы. Новосибирск: СО РАН: ИАЭТ СО РАН, 2022. 231 с.
- Боброва А.И., Торощина Н.В.* Антропоморфные личины из могильника Бедеревский Бор II // Вестник ТГУ. История. 2013. № 2 (22). С. 18–21.
- Бородаев В.Б.* Новообинцевский клад // Первобытное искусство. Антропоморфные изображения. Новосибирск: ИИФиф СО АН СССР, 1987. С. 96–114.
- Бородовский А.П.* Археологические памятники Искитимского района Новосибирской области. Новосибирск: Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия, 2002. 208 с.
- Бородовский А.П.* Сборы шаманской атрибутики и мифологии в Горном Алтае // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2006 г.: Археология, этнография, устная история. 2007. Вып. 3. С. 97–102.
- Бородовский А.П.* Престижная деревянная утварь с металлическими накладками афанасьевской культуры Саяно-Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 4. С. 119–122.
- Бородовский А.П., Ларичев В.Е.* Июский клад: (Каталог коллекции). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2013. 120 с.

Антропоморфное берестяное изделие из Новотроицкого некрополя эпохи раннего железа...

- Брагина Р.И., Попова В.В.* Погребально-поминальная обрядность якутов: Памятники и традиции (XV–XIX вв.). Новосибирск: Наука, 2008. 296 с.
- Бурнаков В.А.* Фетиши — тесы в традиционном мировоззрении хакасов (конец XIX — середина XX века). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. 188 с.
- Вадецкая Э.Б.* Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Петерб. востоковедение, 1999. 440 с.
- Вайнштейн С.И.* История народного искусства Тувы. М.: Наука, 1974. 224 с.
- Виноградов Н.Б.* Антропоморфные «куклы» в погребальной обрядности могильника Кулевчи VI // Поволжская археология. 2020. № 1 (31). С. 117–123.
- Головченко Н.Н.* Предметный комплекс одежды населения Верхнеобского бассейна эпохи раннего железа. Барнаул: АлтГПУ, 2022. 374 с.
- Зыков А.П., Федорова Н.В.* Холмогорский клад: Коллекция древностей III–IV веков из собрания Сургутского художественного музея. Екатеринбург: Сократ, 2001. 176 с.
- Карачаров К.Г.* Антропоморфные куклы с личинами VIII–IX вв. Из окрестностей Сургута // Материалы и исследование по истории Северо-Западной Сибири. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2002. С. 26–52.
- Пелих Г.И.* Происхождение селькупов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1972. 424 с.
- Плетнева Л.М.* Томское Приобье в конце VIII–III в. до н.э. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1977. 108 с.
- Пропп В.Я.* Морфология волшебной сказки; Исторические корни волшебной сказки. М.: КоЛибри: Азбука-Аттикус, 2021. 640 с.
- Соколова З.П.* Пережитки религиозных верований у обских угров // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX — начале XX века: СМАЭ. Л.: Наука, 1971. Т. 27. С. 211–239.
- Соколова З.П.* О некоторых погребальных обычаях северных хантов и манси // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1978. С. 169–175.
- Соколова З.П.* О культе предков у хантов и манси // Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск: Наука, 1990. С. 58–72.
- Соловьев А.И.* К вопросу о художественном содержании кулайского «плоского» литья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. Т. IV. С. 344–350.
- Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время.* М.: Наука, 1992. 494 с.
- Титова З.Д.* Барабинские татары: (Историко-этнографический очерк) // Из истории Сибири. 1976. Вып. 19. С. 108–148.
- Тишкин А.А., Мильников В.П.* Деревянные изделия из кургана 31 памятника Яломан II на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 1 (33). С. 93–102.
- Троицкая Т.Н.* Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Наука, 1979. 124 с.
- Троицкая Т.Н., Дураков И.А., Савин А.Н.* Самусьские бронзовые фигурки с поселения Крохалевка-13 // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. № 1 (5). С. 91–94.
- Уманский А.П.* О раскопках близ Новотроицкого в 1989 году // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск: Горно-Алт. гос. пед. ин-т: ГАНИИИЯЛ, 1992. С. 53–55, 110.
- Фрэзер Д.Д.* Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М.: Политиздат, 1983. 703 с.
- Хомич Л.В.* О некоторых предметах культа надымских ненцев // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX — начале XX века: СМАЭ. Л.: Наука, 1971. Т. 27. С. 239–247.
- Чернецов В.Н.* Представления о душе у обских угров // ТИЭ. Н. С. М.: Наука, 1959. Т. 51. С. 114–156.
- Чиндина Л.А.* Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. 254 с.
- Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А.* Новотроицкий некрополь. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. 329 с.
- Яковлев Я.А.* Иллюстрации к ненаписанным книгам: Саровское культовое место. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. 274 с.

Golovchenko N.N.^{a,*}, Pilipenko S.A.^b

^a Altai State Pedagogical University, Molodezhnaya st., 55, Barnaul, 656031, Russian Federation

^b Novosibirsk State University of Economics and Management
Iadrintzevskaia st., 53, Novosibirsk, 630007, Russian Federation

E-mail: nikolai.golowchenko@yandex.ru (Golovchenko N.N.); Pilipenkosergej@mail.ru (Pilipenko S.A.)

A birchbark anthropomorphic article from the Early Iron Age Novotroitskoye necropolis in the Upper Ob

This paper discusses a burial doll discovered within the Early Iron Age necropolis of Novotroitskoye-1 during field research by the expedition of Barnaul State Pedagogical Institute under the direction of A.P. Uman'skii in the Talmensky District of Altai Krai. The object found in a woman's burial is an anthropomorphic image with wing-shaped arms and schematically indicated facial features, namely prominent eyes, eyebrows, nose and gouged

* Corresponding author.

mouth. The purpose of this work is to publish the Novotroitskoye idol in high quality, since in various publications by A.P. Umanskii and co-authors it was presented only in schematic drawings. Cleaning the object from field dirt, undertaken by the authors, made it possible to better observe the stylistic features of the artifact. Furthermore, the authors made an attempt to create experimental stylistic replicas of the analysed article. Three scenarios of its production have been implemented, and the details are presented in this publication. The authors suggest that the schematic exterior of the Novotroitskoye object allows considering it as a peculiar burial doll. The iconography of the Novotroitskoye anthropomorphic image has been characterized in the context of connections of the Upper Ob River region population of the second half of the 1st mil. AD with the cultures of Northern Asia (Tashtyk, Kokel, "Bulan-Koby"). A wide range of archaeological and ethnographic parallels to the discussed anthropomorphic object has been analyzed. The authors conclude that the routine production of anthropomorphic images and masks was deeply rooted in the Ob River region, and it appeared in the Early Iron Age. Earlier, we came across an opinion, that its origins need to be searched for among the cultures of Southern Siberia — mainly Khakass-Munusinsk Basin and Eastern Siberia. The discovery of the studied birchbark image in the Novotroitskoye necropolis includes the Upper Ob River region into the potential areas of formation of this tradition.

Keywords: Upper Ob region, Early Iron Age, Novotroitsk necropolis, birch bark image, funeral rites.

Acknowledgment. The author expresses his gratitude to Dr. A.P. Borodovskii, the Leading Researcher of the Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS, for the consultation and photo of the horn plate from the monument Dubrovinskii Borok-3.

REFERENCES

- Alekseenko, E.A. (1971). Domestic patrons of the ket. *Materialy po arkheologii i etnografii: Religioznye predstavleniya i obriady narodov Sibiri XIX — nachale XX veka*, (27), 263–274. (Rus.).
- Aseev, I.V. (1985). Reflection of some aspects of shamanism in the archaeological and ethnographic material of the Predbaikalia and Zabaikalia. *Drevnee Zabaikal'e i ego kul'turnye svyazi*. Novosibirsk: Nauka, 161–172. (Rus.).
- Baulo, A.V. (2013). *Sacred places and attributes of the northern Mansi at the beginning of the XXI century: An Ethnographic album*. Khanty-Mansiisk; Yekaterinburg: Basco. (Rus.).
- Baulo, A.V. (2022). "Sculpted from copper...". *Catalog of Siberian antiquities cast from bronze*. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN. (Rus.).
- Bobrova, A.I., Toroshchina, N.V. (2013). Anthropomorphic disguises from the burial ground of Bederevskii Bor II. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorii*, (22), 18–21. (Rus.).
- Borodaev, V.B. (1987). Novoobintsevsky treasure. In: *Pervobytnoe iskusstvo: Antropomorfnye isobrazheniia*. Novosibirsk: IIFIF SO AN SSSR, 96–114. (Rus.).
- Borodovskii, A.P. (2002). *Archaeological monuments of the Iskitimskii district of the Novosibirsk region*. Novosibirsk: Nauchno-proizvodstvennii tseñtr po sokhraneniui istoriko-kul'turnogo nasledia. (Rus.).
- Borodovskii, A.P. (2007). Gathering of shamanic paraphernalia and mythology in the Gornii Altai. *Polevii issledovaniia v Verkhnem Priob'e i na Altae. 2006 g.: Arkheologiya, etnografiia, ustnaia istoria*, (3), 97–102. (Rus.).
- Borodovskii, A.P. (2013). Prestigious wooden utensils with metal plates of the Afanasiev culture of the Sayano-Altai. *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii*, (4), 119–122. (Rus.).
- Borodovskii, A.P., Larichev, V.E. (2013). Iyus Hoard: (Collection catalog). Novosibirsk: IAET SO RAN. (Rus.).
- Bravina, R.I., Popova, V.V. (2008). *Funeral and memorial rites of the Yakuts: Monuments and traditions (XV–XIX centuries)*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Burnakov, V.A. (2020). *Fetishes in the traditional worldview of the Khakas (late XIX — mid XX century)*. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN. (Rus.).
- Chernetsov, V.N. (1959). Ideas about the soul of the Ob Ugrians. *Trudii Instituta etnografii AN SSSR*, (51), 114–156. (Rus.).
- Chindina, L.A. (1984). *Ancient history of the Middle Ob region in the Iron Age*. Tomsk: TGU. (Rus.).
- Fraser, D.D. (1983). *The Golden Branch: A study of magic and religion*. Moscow: Politizdat, 1983. (Rus.).
- Golovchenko, N.N. (2022). *Complex of clothes Vershneobskoy basin's population in Early Iron age*. Barnaul: AltGPU. (Rus.). DOI 10.37386/978-5-907487-19-2.
- Iakovlev, Ia.A. (2001). Illustrations for unwritten books: Sarov cult place. Tomsk: TGU. (Rus.).
- Karacharov, K.G. (2002). Anthropomorphic dolls with disguises of the VIII–IX centuries. From the vicinity of Surgut. *Materialy i issledovaniia po istorii Severo-Zapadnoi Sibiri*. Ekaterinburg: Izd-vo UrGU, 26–52. (Rus.).
- Khomich, L.V. (1971). About some objects of the cult of the Nadymskikh Nentsev. *Religioznie predstavleniya i obriady narodov Sibiri XIX — nachale XX veka: MAE*, (27). Leningrad: Nauka, 239–247. (Rus.).
- Moshkova, M.G. (Ed.) (1992). *Steppe strip of the Asian part of the USSR in the Scythian-Sarmatian time*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Peikh, G.I. (1972). *The origin of the Sel'kups*. Tomsk: Izd-vo TGU. (Rus.).
- Pletneva, L.M. (1977). *Tomsk Ob region at the end of the VIII–III century BC*. Tomsk: Izd-vo TGU. (Rus.).
- Propp, V.Ia. (2021). *Morphology of a fairy tale; Historical roots of a fairy tale*. Moscow: CoLibri: Azbuka-Attikus. (Rus.).
- Shulga, P.I., Umanskii, A.P., Mogilnikov, V.A. (2009). *Novotroitsky necropolis*. Barnaul: Izd-vo AltGU. (Rus.).

Антропоморфное берестяное изделие из Новотроицкого некрополя эпохи раннего железа...

Sokolova, Z.P. (1971). Remnants of religious beliefs among the Ob Ugrians. *Religioznie predstavlenia i obriady narodov Sibiri XIX — nachale XX veka: MAE*, (27). Leningrad: Nauka, 211–239. (Rus.).

Sokolova, Z.P. (1978). About some funerary customs of the northern Khants and Mansi. In: *Etnografiia narodov Altaia i Zapadnoi Sibiri*. Novosibirsk: Nauka, 169–175. (Rus.).

Sokolova, Z.P. (1990). About the cult of ancestors among the Khanty and Mansi. In: *Mirovozzrenie finnogorskikh narodov*. Novosibirsk: Nauka, 58–72. (Rus.).

Soloviev, A.I. (1998). On the question of the artistic content of the Kulaika “flat” casting. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopedel’nikh territorii*, (4). Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 344–350. (Rus.).

Titova, Z.D. (1976). Baraba Tatars: (Historical and ethnographic essay). *Iz istorii Sibiri*, (19), 108–148. (Rus.).

Tishkin, A.A., Mylnikov, V.P. (2008). Wooden products from the mound 31 of the monument Yalomani II in Altai. *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii*, (33), 93–102. (Rus.).

Troitskaia, T.N. (1979). *Kulaika culture in the Novosibirsk Ob region*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).

Troitskaia, T.N., Durakov, I.A., Savin, A.N. (2001). Samus’skie bronze figurines from the settlement of Krokha-levka-13. *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii*, (5), 91–94. (Rus.).

Umanskii, A.P. (1992). About the excavations near Novotroitsky in 1989. In: *Problemy sokhraneniia, ispol’zovaniia i izucheniia pamiatnikov arkheologii*. Gorno-Altaiisk: GAGPI: GANI IIIaL, 53–55, 110. (Rus.).

Vadetskaia, E.B. (1999). *The Tashtyk epoch in the ancient history of Siberia*. St. Petersburg: Peterburgskoye vostoковедение. (Rus.).

Vinogradov, N.B. (2020). Antropomorphic “dolls” in the funeral rites of Kulevchi VI burial ground. *Povolzhskaia arkheologiya*, (31), 117–123. (Rus.).

Weinstein, S.I. (1974). *History of folk art of Tuva*. Moscow: Nauka. (Rus.).

Zykov, A.P., Fedorova, N.V. (2001). *Kholmogorskii treasure: Collection of antiquities of the III–IV centuries from the Collection of the Surgut Art Museum*. Ekaterinburg: Sokrat. (Rus.).

Головченко Н.Н., <https://orcid.org/0000-0002-1498-0367>

Пилипенко С.А., <https://orcid.org/0000-0001-7963-9891>

Сведения об авторах:

Головченко Николай Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул.

Пилипенко Сергей Алексеевич, преподаватель, Новосибирский государственный университет экономики и управления, Новосибирск.

About the authors:

Golovchenko Nikolay N., Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Altai State Pedagogical University, Barnaul.

Pilipenko Sergey A., Lecturer, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 25.09.2023

Article is published: 15.06.2024